

THE BEST OF SCI-FI CLASSICS

ARTHUR C. CLARKE

**CHILDHOOD'S
END**

А Р Т У Р К Л А Р К

КОНЕЦ ДЕТСТВА

МОСКВА
2017

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

К47

Arthur C. Clarke

CHILDHOOD'S END

Copyright © Rocket Publishing Company Ltd, 1953

Чтобы узнать больше о том, как сегодня почитается
наследие сэра Артура Кларка, посетите
www.clarkefoundation.org

В оформлении обложки использован рисунок
художника *Андрея Липаева*

Кларк, Артур.

К47 Конец детства / Артур Кларк ; [пер. с англ.
Н. Галь]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
320 с. — (Кинофантастика).

ISBN 978-5-04-089547-2

«Книга о последнем поколении людей и о самом последнем человеке».

В один прекрасный день над крупнейшими городами Земли зависли гигантские космические корабли. Так без предупреждения явили себя посланцы инопланетной цивилизации, получившие имя Сверхправителей. Они закрыли землянам доступ в космос, а взамен устроили настоящую утопию — больше нет войн, нет голода, нет болезней, все потребности удовлетворяются, каждый занимается тем, что ему интересно.

Но какова истинная цель Сверхправителей? Что же им нужно от человечества?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Н. Галь, перевод на русский
язык, 2017

© А. Рух, вступительная статья, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-089547-2 ООО «Издательство «Э», 2017

ВЕРТИКАЛЬНО ВВЕРХ

Вступительная статья к роману

А. Кларка «Конец детства»

Есть в научной фантастика (по крайней мере, в той, что принято называть «hard-SF») некий врожденный изъян, родовая травма, вызванная тем межумочным положением, которое она занимает между собственно художественной литературой и литературой научно-популярной. Оба эти начала, так уж выходит, довольно скверно уживаются между собой, поэтому литератору, обратившемуся к данному направлению, как правило, приходится жертвовать либо научной достоверностью, либо художественной правдой текста. С одной стороны, ученые, решившие попытаться счастья на литературной ниве, зачастую грешат ходульностью сюжета и картонностью персонажей — зато весьма скрупулезны в описании научных исследований и, порою, делают весьма успешные предсказания, потому что в состоянии пролонгировать в будущее те достижения переднего края современной им науки, о которых они весьма осведомлены. С другой стороны, те авторы, кто пришли в научную фан-

тастику, так сказать, «со стороны литературы», с легкостью жертвуют научной «жесткостью». Наиболее ярко эту тенденцию отразила произведенная Джоном Кэмпбеллом революция, приведшая к тому, что на смену «эпохе Гернсбека» (а именно великий Хьюго в 1915 году впервые употребил термин «science fiction») пришло время, нынче по праву называемое золотым веком фантастики. И, наконец, то весьма немногочисленное меньшинство, которому удалось совместить в своем творчестве и недюжинный писательский талант, и весьма глубокие познания профессиональных ученых. Это, разумеется, и Иван Антонович Ефремов, и Айзек Азимов, и, вне всякого сомнения, сэр Артур Чарльз Кларк.

Научные заслуги Кларка достаточно известны. Стоит упомянуть, что именно ему принадлежат такие идеи, как спутниковая связь (1945) и космическая метеорология (1954). Подчеркиваю: речь идет не об описании этих технологий в фантастике, а именно разработка их практического применения, опубликованная в серьезных научных изданиях. О космосе Кларк стал мечтать еще в те времена, когда это было уделом едва ли нескольких десятков человек в мире. Будучи еще весьма молодым — чуть старше двадцати — Артур Кларк даже оказался во главе «Британского межпланетного общества», старейшей организации, ставившей своей целью развитие и поддержку космических исследований.

Литературное дарование писателя также не вызывает ни малейшего сомнения — достаточно обратиться к его не фантастическим книгам, например, к «Рифам Тапробаны». Такое сочетание и породило «феномен Кларка», книги которого не устаревают, несмотря на то что действие многих из них происходит в том авторском будущем, которое для современного читателя давно стало несбывшимся. Да, в 2001 году Дэвид Боумен не отправился в свою космическую одиссею — но так ли это важно? История человека, перешедшего на новый эволюционный этап, ставшего жителем не Земли, а Вселенной, продолжает жить — это ли не лучшее подтверждение того, что никакая «проверка временем» не страшна подлинному таланту?

«Конец детства», в общем, о том же, о чем и «2001: Космическая Одиссея». Вид *Homo sapiens sapiens* — далеко не венец творения, а всего лишь очередная ступень, которую пора преодолеть, чтобы двинуться дальше. Значительно дальше иных звезд и иных планет. Кажется, ближе всего в мировой фантастике к «Концу детства» стоят «Волны гасят ветер» Стругацких. Помните? «Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую, и это свершится волею и искусством сверхцивилизации, решительно человечеству чуждой». Собственно, именно это и происходит в романе Кларка. Кстати, к отечественному чита-

телю оба произведения пришли практически одновременно, как раз в период очередного «большого слома»: «Волны...» были напечатаны журналом «Знание — сила» на рубеже 1985—1986 годов, а первый русский перевод «Конца детства», выполненный Норой Галь еще в 1983-м, увидел свет на страницах журнала «Химия и жизнь» в 1988-м. Видимо, для такой литературы, что называется, «пришло время» — однако нельзя не выразить сожаление о том, что социальные аналогии в восприятии первых читателей во многом подменили куда более важные онтологические авторские послы. Впрочем, годы идут, злободневность переходит на другие смыслы — а книги живут собственной жизнью, по-прежнему открытые вдумчивому и пытливому уму.

Надо отметить, что ряд ключевых допущений, сделанных автором «Конца детства», способен вызвать резкое неприятие у строгого пуриста, поборника чистоты НФ. В построении сюжета Кларк безо всяких колебаний и оговорок использует концепции, на современном уровне развития прямо признанные антинаучными, — спиритизм, парапсихологию и даже Высший Разум. Впрочем, о нем чуть позже.

Сам же Кларк был абсолютно убежден в том, что остается сугубо в рамках строгого научного дискурса — другое дело, что рамки эти он для себя представлял практически безгранично широкими. Собственно, свое мнение по данному вопросу он предельно ясно высказал в знаменитых

«Четырех законах Артура Кларка»¹. Законы эти были сформулированы в 1962—1999 годах, через много лет после выхода «Конца детства» (1953), однако следовал им писатель на протяжении всей своей литературной карьеры.

Первый закон постулирует ошибочность любого категорического отрицания в науке, поскольку судить о невозможном мы можем лишь с точки зрения возможного, а она постоянно расширяется. Второй декларирует отсутствие границ для познания. Наконец, третий, прямо следующий из первых двух, уравнивает науку и магию, называя вторую лишь проявлением тех природных сил и законов, которые в данный момент еще находятся за горизонтом наших познаний. В мире нет необъяснимого — есть только еще не объясненное.

Такая позиция — надо сказать, весьма революционная! — в принципе упраздняет грань между двумя основными жанрами фантастики, собственно НФ и фэнтези. Точнее, проводит эту грань не по характеру и природе описываемых реалий, а по их интерпретации. Между прочим, подобная эпистемология была предложена еще Аристотелем, который не допускал появления представления о невозможном как таковом.

¹ В отечественной традиции говорят преимущественно о «Трех законах Кларка», однако в 1999 году, в последней редакции книги «Черты будущего», сэр Артур сформулировал четвертый: «Для каждого эксперта существует аналогичный эксперт с противоположной точкой зрения» — то есть никакой авторитет не может являться носителем истины в последней инстанции.

Иными словами, при определенных условиях возможно все, что только человек способен помыслить. А значит, — коли мы находимся на позициях сугубого позитивизма — все может быть объяснено и познано, вопрос лишь в степени развития наших представлений о мире.

Особенно хорошо это заметно на примере отношения автора к религии: мгновенное отрицание всевозможных верований после контакта с цивилизацией Оверлордов-Сверхправителей, безусловно, противоречит самой природе религиозности, сформулированной еще Тертуллианом: «Верую, ибо абсурдно». Однако такой подход идет вразрез с авторским замыслом¹, поскольку религия принципиально не рационализируется — и, следовательно, к ней не может быть применен научный метод. Поэтому Кларк, одним абзацем выметая из описываемой им реальности традиционные верования, немедленно предлагает им альтернативу в виде парапсихологии. Вот она как раз при всей своей формальной схожести с религиозным мистицизмом прекрасно оразумляется и, следовательно, может получить научное объяснение как минимум в рамках конкретного текста. А это, в свою очередь, позволяет автору, сохраняя вполне типичный для религиозной модели мира посыл — духовное начало, отбросив все материальное, устремляется на-

¹ Нельзя не отметить, что сама по себе религия не находится в строгой антитезе ни науке, ни научной фантастике: достаточно вспомнить циклы Орсона Скотта Карда об Эндере и — в особенности — Джулиане Дельфики.

встречу Абсолюту, — оставаться сутобо в рамках НФ-парадигмы.

Между прочим, и здесь переключка с творчеством великих Братьев заметна всякому отечественному любителю фантастики. Ба! Да это же тот самый «вертикальный прогресс», за который так ратовал глава «большого» КОМКОНа Геннадий Комов! Чем не повод поразмышлять о пресловутой конвергенции двух систем, при всей своей непохожести выдававших примерно в одно и то же время практически одинаковые НФ-идеи.

Объединенное под властью Сверхправителей человечество, исподволь подготавливаемое к эволюционному скачку, одновременно получило полный набор материальных благ и утратило всякий стимул к развитию. Любые запреты и табу сняты, позволено все, кроме убийства живых существ. И — подавляющее большинство землян это вполне устроило. Они с радостью перешли на положение этакого птичьего двора, чья единственная, причем неведомая им самим, функция — производство заветных яиц для своих благодетелей.

Горстка людей, неудовлетворенная дареным «золотым веком» и уединившаяся на двух удаленных от цивилизации островках, получивших символические названия Афина и Спарта, продолжает развивать искусства, стремясь реализовать себя в творчестве; однако для планов Сверхправителей они представляют опасность не большую, чем прожигатель жизни Руперт Бойс со своей лучшей в мире библиотекой эзотерической литературы. Все предначертано. Приняв да-

ры Сверхправителей, человечество сделало свой последний осознанный выбор. И Ян Родрикс, единственный из людей, сумевший прорваться к звездам, возвращается домой лишь для того, чтобы стать свидетелем конца человечества в привычном ему понимании.

Но конец человечества, конец всей его истории и культуры, конец самой Земли — это просто конец детства. Все то, что тысячелетиями казалось наиважнейшим, обладающим высочайшей ценностью, отброшено за ненадобностью, как соски и погремушки покинувшего колыбель младенца. Главное — разум — люди унесли с собой, даже перестав быть людьми.

А значит, ничего не закончилось.

Таков этот роман — умный, шокирующий, а для кого-то, возможно, даже раздражающий. Дающий великую надежду — и вместе с тем оставляющий неизбывную горечь. Роман, который тебе, читатель, предстоит для себя открыть.

Аркадий Рух

КОНЕЦ ДЕТСТВА

*Гипотезы, положенные
в основу этой книги,
принадлежат не автору.*

I

ЗЕМЛЯ И СВЕРХПРАВИТЕЛИ

1

Вулкан, вознесший из глубин Тихого океана остров Таратуа, спал уже полмиллиона лет. Но очень скоро, подумал Рейнгольд, остров будет омыт пламенем куда более яростным, чем то, которое помогло ему родиться. Рейнгольд посмотрел в сторону стартовой площадки, запрокинув голову — иначе не оглядеть до самого верха пирамиду лесов, все еще окружающих «Колумб». Нос корабля возвышался на шестьдесят метров над землей, и на нем играли прощальные лучи закатного солнца. Настает одна из последних ночей, какие суждено видеть кораблю, скоро он уже выплывет в непреходящий солнечный свет космоса.

Здесь, под пальмами, высоко на скалистом хребте острова, тишина. Лишь изредка от строительства донесется вой компрессора или чуть слышный издали возглас рабочего. Рейнгольд успел полюбить эту пальмовую рощицу; почти